

М. М. Смольянинов

75-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию вопросов формирования, боевого пути, участия в глобальных сражениях и боевой повседневности частей 75-й пехотной дивизии русской армии в годы Первой мировой войны.

Формирование полков дивизии (297-го Ковельского, 298-го Мстиславского, 299-го Дубненского и 300-го Заславского), обмундирование, снаряжение и вооружение личного состава, оснащение обозов перевозочными средствами было произведено до начала августа 1914 г. После кратковременного обучения нижних чинов строевой и огневой подготовке, несения гарнизонно-караульной службы в г. Бресте и крепости командование начало выдвигать вновь сформированные полки в места боевых действий.

Первыми из Брест-Литовска в крепость Ивангород 6 августа были отправлены 297-й Ковельский и 298-й Мстиславский, 13 августа – 300-й Заславский пехотные полки. После нескольких дней несения службы на фортах

крепости и по охране прилегающей местности, батальоны 297-го Ковельского и 300-го Заславского полков были направлены на поддержку сражавшихся с противником соединений 9-й армии Юго-Западного фронта, приняли участие в сражениях Галицийской (6 авг. – 13 сент.) и Варшавско-Ивангородской (15 сент. – 26 окт.) операций, вместе с другими полками имели переменный успех, понесли большие потери в личном составе. Причинами неудач явились большой отрыв от пунктов пополнения личным составом и баз снабжения вооружением и продовольствием, а также испорченные противником при отступлении пути сообщения.

В отражении неприятельских войск в Лодзинской операции (29 окт. – 6 декабря) части 75-й пехотной дивизии прямого участия не принимали, но опосредованно содействовали этому, сражаясь с австро-венгерскими войсками на фронте Ченстохов–Краков в составе 9-й и 4-й армий Юго-Западного фронта. В многочисленных повседневных атаках и контратаках части 75-й пехотной дивизии понесли огромные потери – от 50 до 60 % личного состава. В конце ноября 1914 г., преследуя отступавшего противника, части дивизии вместе с другими находились под Краковом. Однако под натиском превосходящих сил противника в живой силе и вооружении были вынуждены отступить за р. Ниду, где активные боевые действия постепенно затихли и обе стороны перешли к позиционной обороне.

В зимнее время 1915 г. противоборствующие стороны наступательных действий не предпринимали, занимались укреплением позиций, производили взаимную разведку стоявших на позициях войск, сопровождая это перестрелками и обстрелами. В то же время в части 75-й пехотной дивизии поступали пополнения личного состава, проводились занятия по строевой, боевой и тактической подготовке.

С наступлением весны активность боевых действий возобновилась, особенно со стороны австро-венгров, которые ежедневно подвергали артиллерийским обстрелам позиции и места расположения резервов частей 75-й пехотной дивизии, причиняя разрушения укреплений и человеческие жертвы в рядах защитников позиций. Батареи 75-й артбригады русских из-за ограниченного запаса снарядов с целью их экономии не всегда открывали огонь даже для подавления артогня противника.

Во второй половине апреля неприятельские войска приступили к наступательным действиям, сопровождаемым сильными артиллерийскими и ружейно-пулеметными обстрелами русских, нанося им значительные потери в личном составе. В этих условиях командование было вынуждено отводить войска с занятых позиций. В частности, части 75-й пехотной дивизии 19 апреля получили приказ об отходе на правый берег Вислы. Отход совершался под напором противника до 10 июня. Оказывая мужественное и самоотверженное сопротивление, части 75-й дивизии несли большие потери. Неудачи были вызваны превосходством неприятеля в живой силе и вооружении. В этом была слабость частей 75-й пехотной дивизии, особенно в приданных дивизии трех дружинах ополчения. Их неустойчивость в боевой линии вно-

сила дезорганизацию в ряды сражавшихся. В связи с этим 8 мая 1915 г. начальником 75-й пехотной дивизии впервые было отдано приказание выставленным казакам «стрелять по отходящим» [1, л. 21].

8 июня приказом по 31-му корпусу входившим в его состав дивизиям было объявлено об отходе правого фланга 3-й армии за р. Сан, а левому флангу 4-й армии предстояло занять позиции по линии Сенно – Оспаров – Венгров, в том числе 31-му корпусу предстояло отойти на правый берег Вислы. Направление отхода 75-й дивизии было назначено на д. Аннополь.

Утром 12 июня части дивизии двумя колоннами выступили в направлении к станциям железной дороги. Совершив переход в 40–45 верст, они прибыли к станциям Нововислица и Клементовица, тыловые учреждения – в Люблин; погрузились в эшелоны и были отправлены в Ковель и Владимир-Волынский. Прибыв в назначенные пункты поздним вечером 18 июня, на второй день, 19 июня, части дивизии были направлены для занятия позиций на правом берегу р. Западный Буг, где уже находились 4-й конный корпус генерала Гиммельшмидта, 16-я кавалерийская дивизия и другие части [1, л. 56].

Заняв позиции по правому берегу от Леончицы до Липовице и по левому берегу напротив пункта Крилова – для обеспечения переправы и до д. Малишов, вместе с другими войсками они сдерживали продвижение неприятельских войск, постоянно в столкновениях подвергались ружейно-пулеметным и артиллерийским обстрелам противника, несли потери.

К этому времени над войсками Северо-Западного фронта нависла угроза быть отрезанными противником от коммуникаций и баз снабжения, окруженными и разгромленными в «польском мешке». Чтобы избежать катастрофы, Верховное командование русской армии приняло решение об отводе войск в глубь своей территории [2, с. 419]. 1 августа в частях 75-й пехотной дивизии был получен приказ по 31-му корпусу с сообщением об отходе 4-й армии «под напором противника» и отводе 3-й армии. 31-му армейскому корпусу, в состав которого входила 75-я пехотная дивизия, предписывалось отступить на линию Столинские Смоляры – Любомль – Клюск – Зимовице, в том числе 75-й дивизии – на позиции Любомль – Онеск – Туричаны Волынской губернии [1, л. 88].

Неприятель следовал по пятам за отступающими русскими войсками, обстреливая их из артиллерии, стремясь зайти во фланг и тыл. 31-й армейский корпус, преследуемый противником, отходил на северо-восток, оставляя одну позицию за другой. В частности, 75-я пехотная дивизия 12 августа с боем отступила в направлении приграничных деревень на юге Гродненской губернии – Мокраны – Борки – Борисовка и далее в лесисто-болотистое Белорусское Полесье.

За время с 12 августа до 5 сентября дивизии 31-го армейского корпуса, преследуемые австро-венгерскими войсками, под их ударами, давая аррьергардные бои, оставили значительную территорию, закрепившись по линии восточный берег р. Вислица, деревни Погост – Вылазы [3, с. 107–108]. Одна-

ко занятые корпусом позиции, по оценке командования, были невыгодны в тактическом и стратегическом отношении, так как пролегали по «чрезвычайно болотистой местности», большей частью покрытой лесами, ограничивавшими обстрел, а тыловой район представлял собой огромные лесные площади, пересеченные «едва проходимыми болотами и почти лишенные проезжих дорог». В таких условиях, считало оно, о каком-либо маневре войск корпуса во время боя нельзя было и думать. При обороне же можно было рассчитывать только на собственные силы, так как «возможность поддержки со стороны соседей почти исключалась» [4, л. 52]. Кроме того, в штабе 31-го корпуса имелись сведения о сильном нажиме неприятеля на другие корпуса 3-й армии и продолжавшемся их отходе вдоль Слуцкого шоссе. Основной задачей 31-го корпуса было надежное прикрытие путей, идущих с запада на Лунинец и далее на Гомель.

Учитывая все это, командованию 31-го корпуса «казалось лучшим решением... поставленной [перед ним] задачи быстрым и решительным ударом нанести противнику поражение в районе Логишина» до сосредоточения им значительной численности войск и до переправы через Ясельду тяжелой артиллерии. Сравнив силы неприятеля (по его предположению 12 тыс. штыков при 68 легких, 11 гаубичных и 12 тяжелых артиллерийских орудиях), командование считало силы пехоты противоборствующих сторон равными, в артиллерии же – «громадное преимущество» на своей стороне.

Однако такой расчет командованием был построен на условии, что противник не успеет переправить свою артиллерию через Ясельду и подвести ее на поле сражения в районе Логишина, и был верен, по его мнению, «только до вечера 7 сентября». Потому что уже на следующий день, 8 сентября, считало оно, неприятель имел «полную возможность усилиться, а главное – по вновь построенным мостам перевезти свою артиллерию».

В своих соображениях об атаке неприятеля в районе Логишина с целью разбить его на переправах через Ясельду и отбросить за реку штаб 31-го корпуса утвердился вечером 7 сентября. Атаку было намечено начать примерно утром 8 сентября, чтобы «поразить противника неожиданностью и энергией».

Получив у начальников дивизии положительные отзывы о моральном состоянии личного состава и наличии огнеприпасов, командование запросило «разрешение на атаку противника у командующего армией». Одновременно, не теряя времени, оно составило боевой расчет и план операции, которые были сообщены войскам в первом часу ночи 8 сентября, а в три часа ночи был отдан приказ по корпусу о наступлении. Упорные и кровопролитные сражения с укрепившемся противником продолжались в течение трех дней [3, с. 107–109]. Только к вечеру 10 сентября главные силы 27-й и 75-й пехотных дивизий заняли позиции к западу от Логишина вдоль Огинского канала и р. Ясельда от д. Озаричи до Перевоза, 83-й пехотной дивизии – от хутора Заясельда до Городища. В целом 31-й корпус, насчитывавший после сраже-

ния 10 тыс. штыков, занял позицию длиной около 50 верст – от Озаричей до Городища. Позиция, по оценке командования, «была сильная по местным условиям и давала вес выгоды для упорной обороны» [4, л. 67].

По сути это был первый наступательный бой соединений армий Западного фронта на белорусской земле. Это признавало и командование 31-го армейского корпуса: «По числу взятых пленных и трупов, оставшихся на поле сражения, а также упорство самого боя у Мокрой Дубравы, свидетельствуют, что это был действительно серьёзный наступательный бой, в котором доблестные полки корпуса одержали решительную победу» [4, л. 67]. В связи с этим успешным боем в 75-ю пехотную дивизию 3 октября прибыл член Романовской династии великий князь Георгий Михайлович, «благодаривший от имени Государя части корпуса за последние бои и раздавший нижним чинам Георгиевские кресты» [5, л. 237].

К вечеру 10 сентября 1915 г. дивизии 31-го армейского корпуса заняли позиции с севера на юг вдоль Огинского канала и Ясельды от Озаричей до д. Городище протяжением около 50 верст. Части 75-й пехотной дивизии на отведенной им позиции, попеременно сменяясь, стояли по 5 февраля 1918 г.

В глобальных наступательных операциях, таких как Брусиловская и Барановичская 1916 г., они прямого участия не принимали, но опосредованно содействовали им демонстрацией попыток наступательных действий с целью удержать противостоявшие войска неприятеля от переброски на важнейшие участки сражений.

Неоднократные попытки частей 75-й пехотной дивизии по приказам командования форсировать Огинский канал и р. Ясельда с целью оттеснить неприятеля с занимаемых им позиций успеха не имели в основном по причине его бдительности, прочности воздвигнутых им укреплений и слабой мощности огневых средств. В этих случаях, а также в ежедневных перестрелках с неприятелем и его артиллерийских, минометных и пулеметных обстрелах позиции и мест расположения резервов 75-й пехотной дивизии части несли большие потери, не всегда восполняемые поступавшими пополнениями из тыла. На протяжении почти всего этого периода в частях дивизии ощущался недостаток вооружения, особенно артиллерийских орудий и огнеприпасов к ним.

За два с половиной года военных действий, в основном заканчивавшихся неудачами, большие потери в личном составе войск, оставление огромной территории, недопоставка на фронт продовольствия, фуража и теплой одежды к началу 1917 года вызвали рост недовольства в армии государственным строем, и в феврале войска перешли на сторону восставшего народа. Победа Февральской революции, свержение царского самодержавия и переход власти в руки Временного правительства, введение в армии демократических прав и политических свобод вызвали в войсках развитие деструктивных процессов: подрыв единоначалия командного состава, рост антивоенных выступлений.

В частях 75-й пехотной дивизии эти процессы развивались так же, как и во всей русской армии: создание и деятельность войсковых комитетов, рост неповиновения солдат командному составу. В то же время противоборство с неприятелем продолжалось в тех же формах, как и раньше: перестрелки и обстрелы, разведывательная деятельность. Хотя немцы стремились использовать революционную ситуацию в России, делали попытки склонить защитников позиций на участке 75-й пехотной дивизии к прекращению войны путем выставления плакатов, подбрасывания газет, призывали вступить в переговоры. До июля на все попытки противника к братанию, за исключением четырех случаев (9, 11, 19 апреля и 8 июня) по требованию командования солдаты отвечали обстрелами [5, л. 320].

Подготовка Временным правительством и Верховным командованием наступления и его провал на Юго-Западном фронте 18 июня и на Западном фронте 9 июля, вызвавшие вооруженное восстание рабочих и солдат в Петрограде, ограничение демократических свобод, введение и применение репрессивных мер вплоть до восстановления смертной казни и военно-полевых судов на фронте вызвали резкое обострение взаимоотношений между офицерами и солдатами, отказы последними исполнять приказы и распоряжения командования. В 75-й пехотной дивизии в последние дни июля имели место два вооруженных выступления солдат: 25 июля солдаты 300-го Заславского полка во главе с офицером прибыли к штабу с подозрением, что им объявляют не все приказы. Вышедшие к ним командир полка и полковой комитет убедили их в неправомерности таких подозрений. После чего полк возвратился в место своего расположения. Вооруженное выступление батальона солдат соседнего с 300-м Заславским 299-го Дубненского полка завершилось трагически для командира генерала Пургасова, предпринявшего попытку дать им вооруженный отпор силами подразделений того же полка. На его приказ находившимся у штаба подразделениям открыть огонь по приближающемуся батальону, последние, по сути по своим сослуживцам, стрельбы не открыли. Разъяренная толпа прибывших убила командира прикладами и штыками. Этот эксцесс не остался безнаказанным: зачинщики беспорядка были арестованы, один из них по приговору военно-революционного суда был приговорен к смертной казни, двое – к 12 годам каторжных работ [5, л. 324–326].

В то же время боевое противостояние на этом участке фронта продолжалось. По-прежнему были ежедневные ружейные перестрелки и артиллерийские обстрелы, наиболее частые со стороны германцев. Совершались разведывательные действия. Причем со стороны противника чаще всего – полетами аэропланов. Неприателем велись усиленные работы по укреплению позиций и возведению оборонительных сооружений.

Диаметрально противоположные перемены в противостоянии враждующих сторон внесла свершившаяся Великая Октябрьская революция в России. О вооруженном восстании в Петрограде в 75-й пехотной дивизии стало известно 26 октября из телеграммы фронтового комитета Западного фронта,

квалифицировавшего события как «захват власти [большевиками], грозящих России кровопролитием и междоусобной войной» и призывавшего «все воинские части действующей армии и прифронтовой полосы Западного фронта с полным спокойствием и выдержкой выждать ликвидацию смуты, не поддаваться никаким призывам к самочинным выступлениям, поддерживать всеми силами деятельность созданных «комитетов спасения революции» в Петрограде и фронтового в Минске, создать таковые на местах» [6, л. 9].

Одновременно корпусной комитет 50-го армейского корпуса, (председателем был большевик Р. И. Берзин), в состав которого входила 75-я пехотная дивизия, сообщал в части о свержении Временного правительства, о стремлении «контрреволюционной буржуазии прилагать все меры, чтобы спасти свое положение в ущерб народу и армии», призывал всех быть на страже, задерживать «все телеграммы политического характера», «немедленно сообщать обо всём, что творится в частях» [6, л. 30]. На этой почве возникли резкие разногласия между председателем корпусного комитета Р. И. Берзиным и командиром корпуса генералом Байовым. Солдаты частей 75-й дивизии были на стороне корпусного комитета и ожидали прекращения войны и заключения мира. Их настроениям отвечали первые же мероприятия Советского правительства: уже на второй день, 26 октября, с трибуны II Всероссийского съезда Советов был провозглашен составленный В. И. Лениным Декрет о мире. 9 ноября была передана радиограмма всем полковым, дивизионным, корпусным и армейским комитетам, всем солдатам и матросам о необходимости выбирать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем» [7, с. 82]. В частности, солдаты 300-го Заславского полка одними из первых на Западном фронте 14 ноября направили своих парламентариев к неприятелю для подписания договора о перемирии. Договор о перемирии армий российского Западного фронта с германцами был подписан 21 ноября, а подписание общего перемирия на русско-германском фронте состоялось 2 декабря 1917 г. в Брест-Литовске.

Тем временем, в соответствии с принятым 10 ноября Декретом СНК о постепенной демобилизации армии, началось увольнение солдат старших возрастов призыва. Под напором стремления солдат демобилизация осуществлялась ускоренным темпом. А в связи с нарушившимся снабжением фронта продовольствием и фуражем само командование фронта производило перегруппировку войск «с тем, чтобы в передовой линии оставить минимум сил, нужных для её занятия и поддержания в порядке». В результате вывода войск в тыл, ускоренной демобилизации и имевшего место дезертирства фронт к концу декабря 1917 г. был совершенно обескровлен – от 1,5 млн численности осталось не более 150 тыс. личного состава.

В то же время начавшиеся 9 декабря 1917 г. в Бресте переговоры о заключении мирного договора между Советской Россией и государствами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией) затянулись из-за нежелания советской делегации, возглавляемой Л. Д. Троцким, подписать предложенные кабальные условия мира. Германская сторона ис-

пользовала все это в своих интересах и 5 февраля 1918 г. развернула наступление на всем фронте – от Рижского залива до устья Дуная. Российский фронт не способен был дать организованный отпор. В частности, по словам рапорта командира 50-го армейского корпуса начальнику штаба Западного фронта, при известии о наступлении германцев в войсках «царила паника». «Солдаты и писаря штаба корпуса... разбежались». В 129-й пехотной дивизии оставшиеся на месте полки, несмотря на приказ начдива «оказать сопротивление противнику, отказались» дать таковое. «Штаб и полки 75-й дивизии со всем имуществом остались в руках противника», – сообщалось в том же рапорте [8, л. 276]. В это время штаб дивизии и его управления насчитывали 27 человек, входившие в ее состав полки – от 200 до 500 человек в каждом [9, л. 70].

Таким образом, сформированные в Гродненской губернии части 75-й пехотной дивизии принимали участие в сражениях на территории Галиции, Царства Польского, в ходе «великого отступления» под давлением и ударами войск противника в глубь своей территории. Воины мужественно и самоотверженно сражались с неприятелем, вместе с другими имели переменный успех, несли большие потери. Причинами неудач являлись превосходство противника в вооружении, особенно в крупнокалиберной артиллерии и изобилии огнеприпасов к ней и другим видам вооружения.

По стабилизации фронта на территории белорусских земель по линии Двинск, Поставы, Сморгонь, Барановичи, Пинск 75-я пехотная дивизия заняла участок на побережье Огинского канала и р. Ясельда и противостояла неприятелю два с половиной года – с сентября 1915 г. до февраля 1918 г. Однако в связи с произошедшими в Российской империи политическими событиями в 1917 г., падением морально-боевого духа в войсках российского Западного фронта, в том числе и в частях 75-й пехотной дивизии, активное боевое противостояние с германскими войсками окончилось заключением перемирия. Затянувшееся же подписание мира из-за несогласия советской делегации с предложенными германской стороной кабальными условиями, последние использовали в своих интересах: нарушили перемирие и без объявления развернули наступление по всему фронту. Обескровленные к этому времени соединения русской армии, в том числе и части 75-й пехотной дивизии, в результате демобилизации не смогли дать организованного сопротивления неприятелю, захватившему огромную территорию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2907. Оп. 1. Д. 13.
2. Первая мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. / В. А. Золотарев [и др.]. – М. : Кучково поле, 2014–2017. – Т. 2 : Начало и развертывание войны (1914–1915 годы) / В. А. Золотарев [и др.]. – 2015. – 846 с.

3. *Смольянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – 2-е изд., доп. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 490 с.
4. РГВИА. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 38.
5. РГВИА. – Ф. 2405. Оп. 1. Д. 300.
6. РГВИА. – Ф. 2405. Оп. 1. Д. 404.
7. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1975–1978. – Т. 35 : Октябрь 1917 – март 1918 / подг. Н. Н. Суровцева. – 1977. – 599 с.
8. РГВИА. – Ф. 2275. Оп. 1. Д. 84.
9. РГВИА. – Ф. 2275. Оп. 1. Д. 86.